

**Гоголь и его сестры:
"брат по небесному, высшему родству..."**

У статті розглядається наставницький дискурс стосунків Гоголя з сестрами, що узгоджується з глибоким змістом його апостольства.

Ключові слова: епістолярій, духовно-етичний досвід, епістолярна модель, виховання релігійних почуттів, концепція "християнського господарства".

В статье рассматривается наставнический дискурс отношений Гоголя с сестрами, что согласуется с глубоким смыслом его апостольства.

Ключевые слова: эпистолярий, духовно-этический опыт, эпистолярная модель, воспитание религиозных чувств, концепция "христианского хозяйства".

The article deals with the tutorial discourse of Gogol's correspondence with his sisters, which is coordinated by the deep sense of his apostolate.

Key words: epistolary, spiritual and aesthetic experience, epistolary model of religious education of senses, concept of "Christian economics".

Научное осмысление литературного и духовно-эстетического феномена Гоголя неразрывно связано с исследованием и комментированием его эпистолярия. Впервые к письмам писателя обратились в XIX в. его биографы П. Кулиш и В. Шенрок. Однако возможность глубокого исследования и публикации появилась лишь в 1902 г., в 50-ю годовщину со дня смерти Гоголя, после утраты родственниками писателя юридического права собственности на литературное наследие. С того времени к письмам Гоголя обращались В. Каллаш, В. Гиппиус, Б. Эйхенбаум, В. Виноградов, В. Вересаев, А. Белый, Г. Гуковский, С. Машинский, Ю. Манн, И. Золотусский, М. Вайскопф, А. Карпов, В. Воропаев др. Сопровождаемые комментариями относительно адресатов, установленных дат, упоминаемых лиц, иных фактов реальной и духовной биографии письма включались в собрания сочинений Гоголя.

Несмотря на постоянный интерес к этому особому виду писательского текста, многое еще предстоит изучить и прокомментировать с позиций современного гоголеведения. Так, дискуссионной сегодня

представляется датировка отдельных гоголевских писем. Последним прижизненным письмом Н. Гоголя комментаторы академического издания произведений и писем обоснованно считают послание к М. И. Гоголь [1, с. 30], тогда как современные исследователи усматривают закономерным в свете религиозно-этических исканий писателя его последнее письменное обращение к духовному лицу, протоиерею Матвею Константиновскому [2, с. 725]. Эти и многие другие вопросы побуждают снова и снова обращаться к эпистолярию Гоголя, заключающему в себе наряду с элементами бытовой коммуникации образцы тематически многообразного литературного текста. В жизни литературных персонажей Гоголя письма также играют весьма важную роль, нередко они являются сюжетоформирующей канвой его произведений.

Эпистолярный, как особый вид сочинений Гоголя, сегодня рассматривается в контексте его творческого наследия. Значительный интерес вызывает охватывающая три десятилетия переписка с родными, восходящая к полтавскому и нежинскому периодам биографии писателя и не прекращавшаяся до конца его жизни.

Личность Гоголя всецело не раскрывается в письмах. Особенно это касается ранних гимназических посланий, однако в них заметны успехи в освоении эпистолярного стиля оторванного от родных ребенка. Наряду с традиционным наличием автора и адресата, присутствуют такие обязательные жанровые компоненты композиции, как устойчивое обращение в начале письма ("дражайшие родители, папинька и маминька", "почтеннейшие родители, папинька и маминька" и пр.), стилистические конструкции в завершающей части ("... остаюсь навсегда вашим покорным слугою и послушным сыном", "ваш послушнейший сын"), фиксация даты и места написания, а также наличие постскриптума (с дополнительной информацией бытового характера, повторным обращением или просьбой, приветами родственникам, просьбой поцеловать сестриц и известить об их здоровье).

Из многих корреспондентов Гоголя постоянными его адресатами на протяжении всей жизни оставались мать и сестры, что делает их переписку очень значимой в постижении духовных основ личности писателя. Письма к ним отражают процесс накопления Гоголем духовно-эстетического опыта и жанровую эволюцию бытового письма, своеобразно перераставшего в литературный открытый текст, обращенный к современникам, таким образом впоследствии явились "Выбранные места из переписки с друзьями".

Именно в гимназические годы, когда основными адресатами Гоголя были мать и сестры, у него стал вырабатываться особенный

слог письма с ярко выраженным наставническим дискурсом. В посланиях к ним обнаруживаются элементы наставления, проповеди, молитвы – важнейших концептов эпистолярной модели в его апостольском проекте: "Благословляю тебя, священная вера! В тебе только и нахожу источник утешения и утоления своей горести!" (т. X, с. 53); "... верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня, что никогда не унижался я в душе и что я всю жизнь свою обрек благу <...> Нет, я слишком много знаю людей, чтобы быть мечтателем. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми..." (т. X, с. 123).

К осознанию личной ответственности за судьбу семьи Гоголя гимназиста подтолкнула постигшая в 1825 г. смерть отца, что подтверждается его перепиской с матерью. Спустя три месяца после ухода из жизни отца горе усилилось новой утратой – смертью годовалой сестры Татьяны. Глубочайшая драма, вызванная потерями детей, кроется и в воспоминаниях М. И. Гоголь: "После моего сына я имела еще 9-ть детей, первые и средние умерли и остались самые последние. Последней было две недели, когда я лишилась своего мужа" [3, с. 74].

В ощущении утраты, в горе и беспомощности Гоголь не отделяет себя от младших детей и взывает к матери: "... пожалейте нас, несчастных сирот, которых все благополучие зависит от вас" (т. X, с. 55). По прошествии некоторого времени он соглашается с мыслью матери, что ему, возможно, придется заменить малолетним сестрам отца, но при этом будущее семьи видится неопределенным, остается уповать на милость Всевышнего. Однако его собственная перспектива уже обозначена: "Что касается меня, то я совершу свой путь в сем мире и ежели не так, как предназначено всякому человеку, то по крайней мере буду стараться сколько возможно быть таковым" (т. X, с. 59–60).

Гоголь особенно болезненно ощущал свое одиночество после смерти отца и рвался из Гимназии к родным: "Обнимите и поцелуйте за меня Анниньку, Лизаньку, Олиньку. Я не могу не нарадоваться, вспомнив, сколько меня ожидает дома близких моему сердцу" (т. X, с. 94–95). Любовь к сестрам и забота о них с гимназических лет стала важной частью жизни Гоголя. Это попечение касалось вопросов бытового характера, взглядов на воспитание, образование, формирование круга чтения, духовного и эстетического развития.

Стремление Гоголя участвовать в воспитании Марии, находившейся в полтавском пансионе, обнаруживаем в переписке нежинского периода: "... я требую, прошу, чтобы она ко мне писала; скажите, что письма ее не будут оставлены без ответа ... все исполню, что только

зависит от меня" (т. X, с. 74). Вместе с тем, он спешит поделиться приобретенными в Гимназии знаниями и вместе с письмом пересылает литературные новинки на русском и немецком языках – "некоторые нужные ей книги" ("Владелец островов" В. Скотта, периодические издания "Литературный музей на 1827 год", "Невский альманах на 1827 год" и др.). Это, с одной стороны, отражает читательские интересы самого Гоголя-гимназиста, а с другой, указывает на его непосредственное участие в формировании круга чтения Марии (т. X, с. 110–111, 119, 412).

Признавая важность "впечатлений детских лет" и важность религии ("фундамент всего"), Гоголь предлагает матери собственную программу развития и воспитания сестры Ольги: "Не учите ее какому-нибудь катехизису, который тарабарская грамота для дитяти". По его мнению, не стоит "... беспрестанно ходить в церковь. Там для дитяти тоже все непонятно: ни язык, ни обряды". Опираясь на собственный опыт ("... я испытал это все на себе..., очень хорошо помню, как меня воспитывали"), Гоголь настаивает на формировании осознанного страха Божьего: "Говорите, что Бог все видит, все знает, что она ни делает... опишите всеми возможными и нравящимися для детей красками те радости и наслаждения, которые ожидают праведных, и какие ужасные, жестокие муки ждут грешных" (т. X, с. 281). Впоследствии он таким же требовательным был и относительно образования сестры, которой не давался французский язык. Гоголь упрекал домашних в том, что они не хотят ее обучать. Даже сам однажды взялся ее учить, задав "французского разговора целую страницу". Когда подали обед, она не смогла ответить ни на один вопрос брата, за что, как вспоминала О. В. Головня, он "оставил меня без обеда, потом до вечернего чая тоже не знала уроков, а до ужина одно или два слова ответила" [4, с. 8].

Убежденный в необходимости дать надлежащее образование сестрам Анне и Елизавете, Гоголь весьма критично относится к "глупому" Полтавскому институту, в котором воспитание девиц "бестолково и безрассудно". Провинциальному заведению он противопоставляет столичные, причем самыми лучшими представляются Патриотический и Екатерининский. В них "воспитанницы получают сведения обо всем, что нужно для них, начиная от домашнего хозяйства до знания языков и опытного обращения в свете..." (т. X, с. 210). Гоголь убеждает мать в том, что всегда достигал цели: "будьте уверены, что мои маленькие сестрицы будут помещены" в петербургские институты (Там же). Благодаря его усилиям сестры были приняты в Патриотический институт, что вполне соответствовало стремлению обеспечить им лучшее будущее.

Находясь в Италии, Гоголь всячески поощрял литературные занятия сестер, ждал от них сочинений и переводов и даже предполагал их участие в издании "Москвитянина" (письмо М. П. Погодину, 1838 г.). Высокой ответственностью за судьбу семьи продиктовано письмо Гоголя, содержащее план дальнейшего развития Анны и Елизаветы после выхода из Патриотического института (Рим, 12 апреля 1839 г.). По его мнению, перед сестрами вместо помещичьего уклада уездного города откроется возможность попасть в свет. При этом он, предупреждая о трудностях жизни, наставляет сестер, акцентирует внимание на духовном развитии: нужно надеяться на Бога и на самих себя, серьезно заняться собственным воспитанием, научиться преодолевать негативные проявления характера.

Свой приезд из-за границы Гоголь специально запланировал к выпуску сестер из Патриотического института. Он был очень озабочен предстоящими расходами, рассчитывал на помощь В. А. Жуковского, обещавшего хлопотать перед императрицей. Об этом вспоминала сестра Гоголя Е. В. Быкова: "Перед выпуском за 3 месяца возвратился брат из Рима <...> Брат сам заботился обо всем, заказал по несколько платьев <...> ему много стоил наш выпуск" [5, с. 271]. Совпавшие с работой над первым томом "Мертвых душ" и другими произведениями хлопоты Гоголя по устройству после выхода из института Елизаветы и Анны в московском круге знакомых вызвали сочувствие. А. П. Елагина в письме В. А. Жуковскому сообщала: "Гоголь просил меня взять его бедненьких сестер, а мне и некуда, и нечем <...> Необходимость отказать ему и себе в счастье быть бедным Гоголицам полезной огорчает меня неизъяснимо..." (февраль 1840 г.). В то же время А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому о своем визите к княгине Мещерской: "Гоголь в большом затруднении с сестрами. Нужно поместить их, а он горд, и в России талант его сохнет..." [Цит. по: 2, с. 363–364].

Конец 1839 – первая половина 1840 г. был действительно для Гоголя сложным: серьезные материальные затруднения, подготовка к отъезду за границу, сопряженная с хлопотами относительно места секретаря при Академии художеств в Риме. Все это вызывало у него беспокойство, однако Анне и Елизавете он уделял самое серьезное внимание. Причем его забота простиралась не только на вопросы их материального обеспечения и устройства в Москве. Елизавета и Анна посещали литературные вечера у Хомяковых, Свербеевых, Елагиных, Киреевских, принимали участие в переводе шекспировской пьесы для бенефиса М. С. Щепкина. По наблюдению И. А. Виноградова, Е. В. Гоголь привлекалась к переписке "Мертвых душ" и

второй редакции "Тараса Бульбы" [5, с. 246–247]. Будучи за границей, Гоголь в письме А. В. Гоголь неотступно требовал заняться переводами (с немецкого и французского) книг, которые он купил, настаивая на их подготовке к новому году.

В то же время Гоголь был серьезно озабочен необходимостью развивать в сестрах глубокие религиозные чувства, потому старался обеспечить им соответствующее окружение в среде московских знакомых. В письме матери он сообщает, что они находятся в обществе "тихом и приятном", которое благотворно влияет на их нравственность. По его просьбе к ним приезжает архимандрит Макарий и учит сестер "великим истинам христианским". О том, насколько сложной оказалась эта задача, свидетельствуют воспоминания Е. В. Гоголь: "Брат его [Макария. – Ю. Я.] просил быть у нас и наставить нас на путь истинный; нам очень не понравилось это, но что же делать, надо было повиноваться..." [5, с. 274]. В отличие от сестер, отторгавших идею внутреннего переустройства личности, Гоголь испытывал истинную потребность в духовно-нравственном наставлении: "Я сам по нескольким часам останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышал я, чтобы пастырь так глубоко, с таким убеждением, с такою мудростью и простотою говорил. Твердость, терпение и непоколебимая надежда на Бога. Вот что мы должны теперь избрать святым девизом нашим..." (т. XI, с. 276). Эти слова свидетельствуют о насущной потребности Гоголя слышать поучения служителей церкви, духовных писателей, основательно изучать святоотеческую литературу, делать необходимые выписки, что впоследствии приведет к созданию свода наставлений религиозно-нравственного характера, адресованных близким и родным.

Находившийся в заграничных странствиях Гоголь взял ответственность за судьбу близких, он искренне интересовался бытом и обустройством имения, требуя от сестер строгого отчета, что согласуется с его концепцией "христианского хозяйства" (К. Мочульский). В свете представлений об идеальном христианине-хозяйственнике, Гоголь в письмах давал советы и инструкции сугубо практического характера, как "брат по земному родству", однако он все чаще обращался к сестрам как "брат по небесному, высшему родству".

Переписка Гоголя с сестрами раскрывает его стремление пробудить в них лучшие моральные качества, воспитать христианские добродетели, помочь отыскать путь к Богу. Свои усилия он направлял на преодоление коренящейся в человеке духовной провинции, с чем боролся в себе, начиная со школьной скамьи. Не меньших усилий требовалось и для того, чтобы изложить свои мысли относительно

внутреннего переустройства: "Полгода писал и обдумывал я письмо к моей матери и сестрам. Трудно мне сочинение этого письма, трудно помышлять об устройении души другого, когда собственная душа не устроена" (6 октября 1843 г.) (т. XII, с. 225). Гоголь был исполнен разочарования в сестрах, которые не осознавали в полной мере необходимости этой внутренней борьбы. Письма отражают беспокойство и неудовлетворенность Гоголя тем, что сестры не всегда его понимают, недостаточно прилагают усилий для того, чтобы приготовить себя к нравственной жизни, а высокую требовательность воспринимают как проявление его холодного к ним отношения: "... ни одно письмо не было к вам в духе такой душевной любви, как это письмо" (1 октября 1843 г.) (т. XII, с. 218). В ответ матери, считавшей, что "редкий брат сделал столько для сестер", Гоголь, чье послание с духовными наставлениями к ним "в истинном смысле своем, осталось не понято", максималистически возражает: "Стало быть, я ничего не сделал" (т. XII, с. 219).

Нравоучительная сторона писем к матери и сестрам свидетельствует об истинной кровной и христианской любви Гоголя к ближним, его стремлении подвести их к истине, направить на познание правил "жития в мире", что соотносится с подлинным смыслом духовных творений писателя.

Литература

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. В дальнейшем цитирование проводится по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страниц.
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. / Н. В. Гоголь ; сост. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. – М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010.
Т. 16 : Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя. – 2010. – 817 с.
3. Виноградов И. Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери / Игорь Виноградов // Нові гоголезнавчі студії. – Ніжин : Аспект-Поліграф, 2007. – Вип. 5 (16). – С. 60–101.
4. [Гоголь-Головня О. В.] Из семейной хроники Гоголей (мемуары О. В. Гоголь-Головни) / [О. В. Гоголь-Головня] ; ред. и примеч. В. А. Чаговца. – К. : Киевская мысль, 1909. – 80 с.
5. Виноградов И. А. Новые мемуарные источники о Гоголе / И. А. Виноградов // Гоголевский вестник. – М. : Наука, 2007. – Вып. 1. – С. 239–305.